

Глава 8

Пусть назойливая привычка Кибо звать его «мамой» и допекала Сугуру, вид этого жалостно посмыкивающего носом мальчишки — с покрасневшими глазами и лицом, до боли похожим на физиономию лучшего друга, — заставил Гето проглотить приготовленный протокольный допрос. Скрепя сердце, он на ходу состряпал нехитрое оправдание: мол, кое-какие воспоминания у него просто вылетели из головы.

Кибо поверил. Поверил без тени сомнений — да так расстроился, что на глаза мгновенно навернулись слёзы. Протянув крохотные ладошки, он потянулся к лицу Гето, пытаясь хоть как-то утешить бедную «мамочку», потерявшую память.

Они ведь оба такие невезтичье: и мама, и он склерозом заразились!

Ощувив на щеке прикосновение мягких, тёплых пальчиков, Сугуру на мгновение одеревенел. В его глазах мелькнуло замешательство, но он тут же взял себя в руки, щурясь и тепло улыбаясь малышу.

Кибо и в мысли не допускал, что от мамы можно хоть что-то таить. И пусть делиться своими постыдными провалами перед посторонними ужасно не хотелось, раз уж мама не прогнала чужаков, мальчик просто решил их не замечать. Перейдя на шепоток, он принялся выкладывать всё, что знал.

Возраст давал о себе знать, так что воспоминания Кибо отличались крайним снобизмом к деталям и фрагментарностью. Тем не менее он изо всех сил старался помочь «потерявшей память» маме собрать воедино прошлое.

Сугуру оставалось лишь хранить гробовое молчание.

Если верить карапузу, его маму действительно звали Гето Сугуру. Выглядел он точь-в-точь как стоящий перед ним человек, да и голос звучал абсолютно идентично... В общем, мелюзга свято уверовала, что перед ним именно мать. Точного адреса мальчик назвать не мог — знал только, что живут они при храме, а его мама там за главного настоятеля. И каждый день толпы народа бьют перед ней челом. Разве не крутота?

Гето снова смолчал.

Яга Масамити и Иэири Сёко с весьма неоднозначным выражением лиц переглянулись, а затем уставились на Сугуру. Значит, Гето подался в монахи? Ну... если подумать, со своей святошной миной он и правда отлично вписался бы в роль спасителя заблудших душ.

Семейство у Кибо оказалось внушительным: два дяди, один брат, три сестры и, разумеется, горячо любимая мамочка Гето Сугуру. Жили они — душевно, дружно и припеваючи.

И хотя в семье царила полнейшая идиллия, сам Кибо с детства рос болезненным крохой и безвылазно сидел дома. В конце концов смертная скука допекла его настолько, что в голову пришла идея о побеге — коковую он с блеском и претворил в жизнь. А поскольку он являлся маминой плотью и кровью, во время побега его тоже пристукнул склероз! Да ещё и «обезьяны» похитили! Но Кибо проявил недюжинную храбрость, попытавшись спасти двух маленьких девочек. И пусть спасательная операция провалилась, нет худа без добра: встряска вернула ему память, и он благополучно отыскал маму.

Вот и весь расклад — семейное положение Гето Кибо и его незначительное, в общем-то, приключение.

Малыш искренне надеялся, что Сугуру без лишних разговоров закроет тему с побегом и сменит гнев на милость.

Гето с трудом выдавил подобие улыбки и погладил мальчишку по голове. Рассказ сопляка отчасти звучит правдоподобно, но ещё больше смахивает на дикое дежавю.

Это что, магия в стиле «Назад в будущее»? Или тот, кто кукловодит ребёнком, специально наталкивает его на подобные мысли?

Кибо, не ведая, какие сомнения одолевают Сугуру, расплылся в широченной улыбке. Забыв о переживаниях за причёску, он с удовольствием прижался головой к ладони Гето и принялся тереться об неё, точно котёнок.

Ещё бы! Это же его родная мамочка!

Яга Масамити и Иэири Сёко обменялись быстрым взглядом. Что и говорить, мысли всех троих взрослых магов потекли в одном направлении.

Виной тому — классическая американская фантастика двадцатилетней давности «Назад в будущее», которую смотрел каждый из них. И вот теперь перед ними стоит мини-версия Годжо Сатору и настойчиво зовёт Гето Сугуру мамой. Вариантов два: либо этот мелкий растёт не как все нормальные люди и родился сразу пятилетним, либо в мире магии действительно разыгрался сюжет «Назад в будущее», и к ним из будущего прилетел сынок Сугуру и Сатору!

Стоп. А с чего вдруг они с такой святой уверенностью решили, что второй родитель — именно Годжо?

Мир магии, конечно, полнится дичью, но случаев мужского вынашивания история пока не знала. Вдруг это какая-нибудь сестра, тётя, племянница или кузина Годжо Сатору сошлась с

Гето Сугуру, родила пацана с внешностью Годжо, а тот по глупости называет Гето «мамой»?

Сёко мысленно скривилась: «Фу-э!»

С точки зрения здравого смысла второй вариант выглядел куда реалистичнее, но интуиция настойчиво твердила: правдив именно первый.

А всё потому, что эти двое — редкие подонки! Будучи далеко не бедными людьми, они каждый раз в кафе закошивали под влюблённую парочку, лишь бы содрать скидку на парный сет десертов! В глазах Иэири у этих двоих моральные рамки отсутствовали как класс, так что если бы они действительно сошлись и каким-то чудом состряпали ребёнка — никто бы даже не удивился.

Если пораскинуть мозгами, сценарий «Назад в будущее» в магических реалиях был весьма вероятен.

Природа проклятых духов бывает куда абсурднее любой фантастики. Проклятия ведь возникают не просто из абстрактного негатива — их рождение иронично и прицельно бьёт по самым потаённым страхам: чем сильнее общество чего-то боится или омерзится, тем выше шанс, что именно эта дрянь и воплотится в реальность.

Если достаточная масса обывателей всерьёз накрутит себя страхом перед путешествиями во времени, среди проклятий вполне может завестись тварь с соответствующей врождённой техникой. А там уже дело случая: швырнёт эта дрянь дитя Годжо и Гето в прошлое — вполне в духе их безумного мира.

Недаром существование проклятых духов держится в строжайшем секрете от обычных людей, а магам запрещено изгонять их на глазах у публики. Всё упирается именно в эту специфику рождения проклятий: стоит толпе дать волю фантазиям, как тут же выплодится какой-нибудь проклятый дух особых рангов, заточенный чисто под уничтожение магов — и тогда магическому миру придёт конец.

Впрочем, нельзя исключать и вариант, что Кибо кто-то переписал память. Или что он вовсе искусственный человек, а кукловоды просто разыгрывают спектакль с «путешествием во времени», чтобы внедрить этого мелкого к Сатору и Сугуру.

Всё требовало проверки. И лучшим детектором в этой ситуации оставались Шесть Глаз Годжо Сатору.

Отдавать ребёнка Главным управлением магии нельзя ни в коем случае. Статуса «потенциального отпрыска двух магов особого ранга» более чем достаточно, чтобы у верхушки Высшего совета магов зачесались руки. Бог весть, что эти гнилые верхушки вытворят с пацаном.

Мальчишка ещё совсем глупый — заговорят ему зубы, вынудят заключить связывающую клятву, и пропадёт душа ни за грош!

Сугуру нахмурился. Его рука, до того лениво поглаживавшая мальчика по голове, заметно утяжелелась, перейдя в режим беспардонного тисканья.

Кибо послушно терпел этот ласковый произвол. Вращая огромными, точь-в-точь как у лучшего друга, глазами, он потянул Гето за край одежды и промяукал с затяжной детской капризностью:

— Ма-а-ам, ну ты хоть что-нибудь вспомнила?

Сугуру промолчал.

Ни черта он не вспомнил. Да и что тут вспоминать, если этих событий ещё в природе не существовало?

Спустя паузу Гето медленно произнёс:

— Гето... — На полуслове он запнулся. Слышать, как его называют «Гето», было привычно, но вот обращаться так к кому-то другому ощущалось дико. И он тут же поправился: — Кибо, ты...

— Сяо Кибо! — тут же перебил его мальчик. Перебивать маму было ужасно невоспитанно, но слышать просто «Кибо» от неё не хотелось категорически! Он ведь обещал, что из-за своей огромной любви будет звать его только «Кибо-чан»!

Губа Сугуру нервно дёрнулась. Ладно, пусть будет Сяо Кибо. Звучит приторно, но пацан совсем маленький, можно и уступить.

— Сяо Кибо, — с готовностью исправился Гето, а затем максимально ровным тоном поинтересовался, с какого перепугу этот мелкий, прекрасно зная, что перед ним мужчина, настойчиво сбивается на «маму», а не на «папу». И кем бы ни был этот сопляк, не пора ли сменить обращение?

Ему семнадцать лет, и меньше всего на свете хочется, чтобы кто-то усомнился в его половой принадлежности.

Никаких папо-мам! Никаких муже-матерей! Никаких мужских мамочек! Повторять до полного просветления!

Кибо покосился на Сугуру, на секунду отвёл взгляд и неторопливо затянул:

— Дядя Лару сказал, что мама — это и есть папа. Сестра Манами объяснила, что мама размножается самоопылением. Дядя Мигель утверждал, что у мамы почкование и деление клеток. Сестрички Нанако и Мимико доказывали, что мама — Великое Божество, так что непорочно зачать и родить священный плод для неё обычное дело. А брат Тосихиса... Ой, брат Тосихиса сказал, что ничего в этом не понимает. У нас дома он вообще самый глупый!

Выпалив эту длинную тираду на одном дыхании, малыш задрал голову, состроив самую ангельскую минку в надежде на мамино одобрение.

Гето промолчал. Сопляк выглядел до того виновато, что сразу становилось ясно: всё вышесказанное — полнейшая чушь и к делу отношения не имеет. Впрочем, эти незнакомые имена Сугуру запомнил. Запомнил намертво. И если ему когда-нибудь посчастливится пересечься с их обладателями... Хех.

Увидев, что Гето остался глух к аргументам, Кибо надул губы и наконец выложил правду:

— Если Тюбо можно звать тебя «мамой», то почему Кибо нельзя?! — Голос мальчика крепнул, а тон становился всё более капризно-требовательным, хотя в нём ещё проскальзывала капелька неуверенности. — Или мама больше любит Тюбо, а Кибо совсем не любит?!

Какая-то уродливая штуковина зовёт его мамой, а ему, родному сыночку, нельзя?!

Сугуру замер.

«Какой ещё Тюбо?!»

Стоявшие неподалёку Яга Масамити и Иэири Сёко превратились в самых настоящих любителей даровых сплетен. Несмотря на то что впереди их ждала гора нерешённых проблем, сейчас они откровенно наслаждались разворачивающимся спектаклем.

То есть он тут не один?! Помимо стоящего перед ними уменьшенного Годжо, есть ещё какой-то Тюбо?!

Ну и имечко... И Годжо, и Гето — красавцы хоть куда, неужели их отпрыск умудрился так генетически мутировать, что превратился в уродца?

Хотя... если это Небесное проклятие... Да, если произошла мутация, то виной тому наверняка Небесное проклятие!

Оба мага предавались самым диким фантазиям.

Сугуру еле сдержал лицо, чтобы оно не съехало в окончательную прострацию, и сухо выдавил:

— А Тюбо — это ещё кто?

Губы Кибо надулись так, что на них можно было повесить ведро.

— Это тот лысый сморчок, которого мама всегда таскает с собой и который хранит твои вещи!
— зашмыгал он носом. — Хмык! Он же ужасно уродливый, а мама всё равно разрешает ему висеть на плече и везде берёт с собой... А Кибо мама гулять ни разу не брала!

Главное — последнее предложение!

В голосе мальчишки сквозила такая лютая ревность, что становилось очевидно: этого Тюбо он невзлюбил давно и всерьёз.

Сугуру хлопал глазами, пока до него наконец не дошло. Говоря про «Тюбо», этот мелкий имеет в виду тот проклятый дух-хранилище, который он забрал у «Убийцы магов» Фусигуро Тодзи?!

<http://bllate.org/book/19572/1934534>